

Содержание

<i>Предисловие</i>	9
Последний день приговоренного к смерти ..	13
Тайна семи звезд	53
Портрет.....	97
Четвертая Пасха	127
Иконник	167
Инок.....	205
Царь	249
Крест и топор	281
Афонская смута	321
На пороге бессмертия	381
<i>Комментарии</i>	417

...Ибо Ты был заклан, и Кровию Своею
искупил нас Богу из всякого колена и языка,
и народа и племени, и соделал нас царями
и священниками Богу нашему.

Откровение Иоанна Богослова

Предисловие

* * * * *

В этой книге собраны повествования о людях, живших в разное время и в разных обстоятельствах. Читатель приглашается в путешествие по странам и эпохам, но главное — получает возможность заглянуть во внутренний мир этих столь необычных и столь непохожих друг на друга людей.

В книгу вошло восемь рассказов и два очерка. Под рассказом в данном случае понимается произведение, основанное на реальных событиях, но содержащее отдельные элементы художественного вымысла. Под очерком — повествование, имеющее строго документальный характер.

Использованные автором источники указаны в комментариях в конце книги.

В основе рассказа «Последний день приговоренного к смерти» лежит история священника Константина Любомудрова, расстрелянного в 1937 году. Материалом послужили скудные документальные сведения, сохранившиеся об этом новомученике Русской Церкви, в том числе протоколы его допросов.

В двух последующих повествованиях воспроизведены эпизоды из жизни преподобного Гавриила (Ургебадзе). Рассказ «Тайна семи звезд» посвящен его детству, когда он двенадцатилетним мальчиком ушел из дома и скитался по монастырям Грузии. Действие

рассказа «Портрет» начинается в 1965 году в Тбилиси, где во время первомайской демонстрации он сжег гигантский портрет Ленина.

Сюжет рассказа «Четвертая Пасха» основан на реальной истории алтарника одного из московских храмов. Однако действие перенесено в другую эпоху, обстоятельства жизни главного героя изменены. Любые совпадения персонажей рассказа с реальными лицами являются случайными.

Действие рассказа «Иконник» происходит в середине 1980-х годов, когда в Псково-Печерском монастыре трудился один из замечательных современных иконописцев. Имена героев изменены во избежание совпадений с реальными лицами.

Рассказ «Инок» посвящен одному из выдающихся представителей русского зарубежья — архимандриту Киприану (Керну). Действие разворачивается в 1942 году в оккупированном немцами Париже, где продолжает функционировать созданный русскими эмигрантами Свято-Сергиевский православный богословский институт.

Рассказ «Царь» посвящен необычной судьбе болгарского монарха Симеона II, который, лишившись трона в 1946 году, пятьдесят пять лет спустя занял в своей стране кресло премьер-министра. В этом качестве он внес решающий вклад в преодоление раскола в Болгарской Церкви.

Очерк «Крест и топор» посвящен судьбе священника Тихона Шаламова — отца известного писателя, автора «Колымских рассказов». Мы попадаем сначала

в дореволюционную Россию, потом на Аляску, затем оказываемся в России трех революций и, наконец, в советской России, где набирает обороты маховик гонений на Церковь.

Очерк «Афонская смута» повествует о событиях, развернувшихся в 1913 году на Афоне. Эти события, хотя и происходили в монастырях, по драматизму и накалу страстей напоминают детектив или приключенческий роман. В результате напряженных споров, сопровождавшихся драками и потасовками, бунтом и осадой, около тысячи русских монахов были изгнаны со Святой Горы при помощи водометных пушек за сочувствие учению, объявленному ересью.

Книга завершается рассказом «На пороге бессмертия». В его основе — свидетельства современников о последних днях земной жизни Достоевского. Кончина великого писателя была подлинно христианской, непостыдной, мирной, но ей предшествовала жизнь, наполненная тяжелыми испытаниями.

Последний
день
приговоренного
к смерти

* * * * *

*Священномученик Константин Любомудров
в Таганской тюрьме, 1937 г.*

Сколько ему оставалось жить?
Несколько дней?

Несколько часов?

Он потерял счет времени, сидя в одиночной камере. Последние трое суток были особенно мучительными.

Днем — неотлучное пребывание в камере без дневного света, на хлебе и безвкусной баланде. Откидная койка рано утром приковывалась цепью к стене до позднего вечера, и прилечь можно было только на бетонный пол.

Ночью — многочасовые допросы, угрозы, удары резиновой дубинкой по спине. Следователи пытались добиться от него «чистосердечного признания» в преступлениях, которых он не совершал, заставить выдать сообщников, которых не было.

Допросы начинались вскоре после отбоя, когда только и можно было лечь и успеть сомкнуть глаза. А заканчивались за час или два до того, как оглушительно лязгнет дверной замок и с криком «Подъем!» войдет охранник. Если заключенный не успел соскочить с койки, его сбрасывали на пол.

Но сегодня с утра тишина. Не лязгает замок, не входит охранник. И заключенному вдруг становится ясно, что приговор ему уже вынесен.

На душе у него полное спокойствие. Казалось бы, мысль о расстреле должна приводить в смятение. Но она скорее даже радует. Раньше, пока он находился на свободе, пугала постоянная опасность ареста. В лагере и ссылке страшила неизвестность. А сейчас все позади. Остается только дождаться последней минуты.

*

Несколько месяцев назад, когда он скрывался на квартире знакомых в Можайске, ему принесли только что вышедшую из печати книгу: «Процесс антисоветского троцкистского центра». Известные в прошлом большевики — всего семнадцать человек — были судимы Военной коллегией Верховного суда Союза ССР «по обвинению в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов». Книга содержала протокол судебного процесса, включая последние слова подсудимых.

Все они признали свою вину, хотя в показаниях часто путались и друг другу противоречили. Особенно поразительны были их последние слова:

— Я слишком остро сознаю свои преступления, — говорил один, — и я не смею просить у вас снисхождения. Я не решаюсь просить у вас даже пощады.

— Мы будем отвечать по всей строгости советского закона, считая, что ваш приговор, какой он будет, справедлив, — заявлял другой.

— Я воспользовался последним словом подсудимого не для защиты, — говорил третий. — Я хочу

здесь сказать, что целиком и полностью признаю справедливость того, что вчера говорил гражданин прокурор о моих тягчайших преступлениях против родины, против страны советов, против партии.

— Я стал отверженным, проклятым сыном трудящихся масс. Суд вынесет мне приговор. Как бы суров он ни был, я его приму как должное и заслуженное, — обещал еще один из осужденных.

Некоторые приводили смягчающие обстоятельства, просили сохранить им жизнь. Но каждый сознавался в преступлении и заранее заявлял о своем согласии с приговором. Один даже умолял, чтобы его расстреляли:

— Пощады не прошу. Снисхождения мне не надо. Пролетарский суд не должен и не может щадить мою жизнь. Теперь я хочу одного: встать на место казни и своею кровью смыть пятно изменника родины.

Тринадцать суд приговорил к расстрелу, четверых — к различным тюремным срокам.

Тогда, еще на свободе, он читал эту книгу, чтобы понять, как ему вести себя на суде в случае ареста. Его пугала опасность применения «мер физического воздействия». Он понимал, что таких признаний и такого безоговорочного заведомого согласия с решением суда можно добиться только при помощи пыток.

Думая о предстоящем процессе, он воображал, что процесс будет публичным. Ему представлялось, что на суде он будет не единственным обвиняемым, что

допрос будут вести прокурор и защитник поочередно, как это было на процессе троцкистов. Он пытался представить себе, кого еще из духовенства встретит на скамье подсудимых. Продумывал, какие аргументы выдвинет в свою защиту.

Но ничего этого не было. Все происходило в небольшой комнате в здании тюрьмы. Допрашивали его поочередно два человека, без публики и без свидетелей. Один — пожилой, в очках, лысеющий, вежливый в обращении, с вкрадчивым голосом. Другой — лет тридцати, одутловатый, с запахом крепкого мужского пота, не стеснявшийся в выражениях. Именно он орудовал резиновой дубинкой, пытаясь выколотить из обвиняемого признательные показания.

Но священник ни в чем не сознавался, даже под ударами:

— На какие средства вы жили с тридцать пятого года по день ареста? — спрашивал молодой следователь.

— Я жил на свои оставшиеся сбережения, помощь дочери и подаяния верующих.

— Следствие располагает материалом, что вы занимались попрошайничеством. Дайте показания.

— Попрошайничеством я не занимался.

— Расскажите о вашей антисоветской деятельности среди верующих.

— Антисоветской деятельностью я не занимался. К советской власти я настроен лояльно.

— Вы систематически говорили о том, что советская власть ведет гонения на религию и духовенство,

высылает без вины духовенство и запрещает верующим молиться. Следствие располагает таким материалом.

— Я отрицаю это.

— Назовите круг ваших знакомых.

— Знакомых у меня нет никого.

— Ни в Москве, ни в Можайске?

— Нигде.

Ему давали ознакомиться с показаниями свидетелей. Один из них, тоже священник, сообщал: «Он на квартирах своих многочисленных почитателей совершал тайно церковные богослужения и различные церковные требы. Любомудрова часто можно было видеть в церкви, где он вокруг себя собирал верующих старушек. Их он обрабатывал в антисоветском духе, рассказывал, как он жил в ссылке, и о якобы тяжелом положении осужденных. Он говорил, что осужденные влечат голодное существование, их заставляют выполнять непосильные работы, в результате чего заключенные умирают. Он призывал верующих не забывать арестованных и оказывать им материальную помощь. Кроме того, Любомудров распространял контрреволюционные провокационные слухи о якобы имеющемся гонении на религию и духовенство».

— Таким образом, — говорил следователь, — ваша контрреволюционная деятельность подтверждена свидетелями.

— Никакой контрреволюционной деятельностью я не занимался, — отвечал Любомудров.

— У нас есть другие свидетельства. Вот я вам прочитаю: «Наиболее откровенно свои антисоветские

мысли Любомудров высказывал в кругу служителей культа и прихожан на обедах и ужинах, которые устраивались им после каждой службы. Произносил тосты за “скорейшую кончину советской власти” и за упокой бывших русских царей. В 1925 году я как протодьякон спросил его: “Неужели вы не боитесь власти, что так антисоветски высказываетесь?” На это Любомудров мне ответил: “Они хитры, а я еще хитрее”. Он имел в виду советскую власть. В конце прошлого года, когда он вернулся из ссылки, я встретил его в церкви Знамения, где я служу протодьяконом. Он туда приходил и жаловался, что ему как популярному среди верующих протоиерею дали бы хорошее место, но Лубянка в это дело вмешивается и не дает ему никакого хода». Лубянка, видите ли, мешает вашей карьере.

— Ничего подобного я не говорил. Разговоров антисоветских не вел.

— Вот, слушайте еще: «После публикации новой Конституции СССР Любомудров сначала говорил, что советская власть испугалась за границы и дала народу больше свободы, в том числе и нам, духовенству. При этом Любомудров толковал даже о том, что собирается организовать тысяч пять верующих, которые будут голосовать за его кандидатуру в Верховный Совет СССР. Последний раз, когда я его видел (месяца два тому назад), Любомудров уже толковал о Конституции наоборот: “Это только втерли очки за границе, никакой свободы и прав нам не дали”. Предлагал даже вовсе не участвовать в выборах или голосовать за более близкую нам фигуру, как Бухарин».

Любомудров слушал. Он хорошо знал протодьякона, чьим именем был подписан донос, и не представлял себе, чтобы тот мог написать такое. Либо у него брали показания под пытками, либо следователь сам сочинил это, а протодьякону дал подписать.

— Я отрицаю все это, — сказал он. — Ничего подобного не было, я этого не говорил.

— Еще пишут, что вы хранили и распространяли религиозную литературу. А религиозная литература по своему содержанию является заведомо антисоветской и контрреволюционной.

— Ничего, кроме Священного Писания, я у себя не хранил. Антисоветскую литературу не распространял.

— Вы знаете, что́ вам грозит за контрреволюционную деятельность? — следователь повысил голос. — Я напому вам статью 58 Уголовного кодекса РСФСР, пункт десятый: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия с использованием религиозных или национальных предрассудков масс влекут за собой...»

Он достал папиросу и закурил.

Священник молчал.

— «...меры социальной защиты, указанные в статье 58, пункт второй, настоящего Кодекса», — продолжил следователь. — Вы понимаете, о каких мерах идет речь?

— Нет.

— «Расстрел с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет». Слышали? Расстрел. Вы в своей контрреволюционной пропаганде использовали религиозные предрассудки масс, поэтому вам грозит высшая мера социальной защиты.

Следователь сделал несколько затяжек.

Священник продолжал молчать.

Следователь поднял глаза:

— Всего этого вы можете избежать, если чисто-сердечно признаетесь в антисоветской деятельности, раскаетесь в ней и раскроете имена сообщников.

Но священник все отрицал и никакие имена не называл. Он с самого начала избрал для себя такую линию защиты. Помогло чтение «Процесса антисоветского троцкистского центра». Сколько себя ни оговаривай, все равно расстреляют. Да и не дело священнослужителю оговаривать себя, выдавать других.

Убедившись, что священник не готов ни в чем признаться, следователь неожиданно изменил тактику допроса. Он отложил в сторону бумаги и спросил доверительным тоном:

— Вы заметили, что у нас к вам особое отношение?

— Нет.

— А жаль. Могли бы сидеть с уголовниками и рецидивистами. А мы вам отдельную камеру выделили. И это при том, что тюрьма переполнена.

Очевидно, ожидалось, что допрашиваемый поблагодарит за заботу. Но он молчал. Ждал, что будет дальше.

А дальше следователь предложил Любомудрову снять с себя сан и отречься от веры в обмен на освобождение и трудоустройство на льготных условиях:

— Уже несколько бывших попов осознали пагубность религиозных предрассудков и их несовместимость с социалистическим строем. Стали честными советскими гражданами и трудятся на производстве. Никто не ставит им в вину прежнюю контрреволюционную деятельность.

— Я контрреволюционной деятельностью не занимался. А от священного сана и от православной веры не отрекюсь, — отвечал Любомудров.

*

До вчерашнего дня ему все еще казалось, что допросы без свидетелей носят подготовительный характер, а основной допрос состоится в зале суда. Но вчера следователь — тот, что постарше — зачитал ему обвинительное заключение:

— ... Возвратившись из ссылки, возобновил свою контрреволюционную деятельность, вокруг себя группировал реакционно настроенную часть верующих, среди которых распространял различные контрреволюционные, провокационные слухи. Проводил денежные сборы для оказания материальной помощи высланным за контрреволюционную деятельность. На квартирах своих единомышленников совершал тайные богослужения, вел антисоветскую пропаганду. На основании изложенного подсудимый Любомудров

Константин Павлович обвиняется по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР, пункт 10.

Это была та самая «расстрельная» статья, о которой молодой следователь сообщил накануне.

Священник понял, что ждать больше нечего. И хотя формально это было обвинительное заключение, он понимал, что на самом деле это приговор.

Именно поэтому он может сегодня лежать на койке дольше обычного.

Часов в камере не было, дневной свет в нее не проникал, а электрическая лампочка горела непрерывно. Определить время суток можно только по редким посещениям камеры охранником. Но сейчас никто не приходит. По ощущению уже намного позже шести утра.

Он встал, умылся из стоявшей на столе кружки с водой, сделал несколько глотков. Прочитал по памяти утренние молитвы. Потом снова лег на койку. Спина все еще ныла от побоев, а голова болела от спертого воздуха тюремной камеры и от запаха из канализационного люка.

*

Ему вспомнилось огромное пшеничное поле, по которому он, совсем еще ребенок, шел рядом с отцом. Золотые колосья были выше его роста, и ему приходилось раздвигать их руками. А над головой — голубое небо с белыми облаками и яркое солнце, такое же золотое, как пшеничные колосья.